

День Военно-морского флота – это не просто особенный день.

Где бы ни жили бывшие и нынешние военные моряки, в последнее воскресенье июля они достают из шкафа старую тельняшку, которая для них всегда пахнет морем.

Двадцать лет назад мне довелось познакомиться с бывалым моряком Черноморского флота. Произошло это в приморском городе N на пересечении Первой и Второй приморской улиц, недалеко от сквера с каштанами. Мужчина преклонного возраста сидел за столиком в кафе в штопаной-перештопаной тельняшке, натянутой на худощавое тело, сдвинутой на затылок старой бескозырке и поднимал стакан за военно-морской флот.

Бывший матрос пил в одиночестве и не обращал внимания на происходящее вокруг. По всему виду – завсегдатай кафе находился на особом положении у хозяев, потому что обслуживали его быстрее, чем остальных посетителей. Его выцветшие глаза задержались на мне, когда я проходил мимо столика. «Стой, моряк, – проскрипел завсегдатай. – Присядь и выпей со мной».

Мне выпало сомнительное удовольствие пить водку в 35-градусную жару с крепко подвыпившим незнакомцем, но что-то в нем было притягательное, как старый сундук с морской картой клада внутри. Для своих почтенных лет он был удивительно жилист, как пеньковый трос, и загорелый, как потемневшая морская бляха на ремне.

Я присел за стол и заказал что-нибудь закусить и выпить.

Молоденькая официантка быстро уставила стол неприхотливой снедью (малосольные огурцы, помидоры, тонко нарезанное сало, отварная картошка с сельдью и луком под растительным маслом, крупно нарезанный черный хлеб) и звякнула запотевшим графинчиком с водкой.

Откровенно говоря, я не собирался именно это заказывать, но официантка объяснила, что мой собеседник предпочитает только такую закуску. После первого тоста за военно-морской флот без передышки последовал второй.

К третьему тосту за тех, кто в море, мы подошли, едва успев прожевать по два куса сала и проглотив по две помидорины. После чего лихой матрос коротко буркнул: «Зови меня Валера» и протянул загорелую волосатую руку. Мы поручковались и подняли стаканы за знакомство. Затем Валера спросил меня: «Куришь?» и, услышав отрицательный ответ, снова коротко уронил: «Правильно, баловство это».

Выдержав небольшую паузу, он поинтересовался, на каком корабле я служил. Мне захотелось прибавить разговору небольшой интриги, и в ответ я полубопытствовал, почему старый матрос решил, что я служил на военно-морском флоте, да еще на корабле.

Его ответ несколько озадачил меня и заставил работать воображение. После четвертого 75-граммового стакана водки сделать это было нелегко. Валера пояснил, что у всех мужиков, которые нюхали море не с берега, очень похожие глаза: «У них взгляд, как застывший клочок морской стихии. Они ходят по-другому, слушают по-другому, на женщин смотрят по-другому».

С последним я не мог не согласиться – после длительных морских походов на женщин действительно смотришь по-другому, голодным взглядом. А Валера тем временем продолжал: «Вот если бы ты не был военным моряком, ты бы не уважил меня и не стал пить со мной, а тем более угощать. Дай угадаю, ты был офицером».

Получив утвердительный ответ, мой новый приятель предложил тост за офицеров.

С хрустом закусив огурцом, бывалый матрос надвинул бескозырку на лоб и произнес: «Военные моряки – это вообще особенные люди. Вот послушай, как звучат слова – бом-брам-стенга или фок, грот, бизань или полный фордевинд, крутой бейдевинд или бакштаг, бегучий такелаж, рангоут. Это же музыка! Кого отправляют пить чай на клотике или точить якорь? Только моряков-салаг. Сухопутные даже не поймут, где подвох. Согласись, похожа на песню команда «На баке! Травить левый до жвака-галса!»

или «По местам стоять, с якоря сниматься».

– Валера, но у летчиков, например, тоже есть свои приколы, – попытался возразить я.

– Какие у них приколы, в нелетную погоду не летать? Стихию нужно чувствовать. Она должна прокатываться по тебе, как волна через бак, и разбиваться о волнорез, окатывая ходовую рубку облаком из брызг и пены. Вспомни, когда корабль во время шторма стремительно несется в пучину и, кажется, уже никогда не выкарабкается

из-под гребня волны, как он стремительно заваливается на бок и ты, стоя на ходовом мостике, видишь, что к тебе приближается поверхность кипящей вспененной воды. Ты молишься, чтобы корпус корабля выпрямился и перевалился на другой борт. С чем еще можно сравнить подобные ощущения? Тебе доводилось стоять вахту, когда от бесконечной, нудной, выматывающей качки постоянно хочется метать харч?

– Конечно, приходилось.

– Какая у тебя была специальность на корабле?

– Валера, я был ракетчиком. Стрелял большими ракетами.

– И что тебе нравилось больше всего в ракетной стрельбе?

– Пожалуй, отдаваемые команды: «По отряду боевых кораблей, главная цель в центре ордера, в залпе две ракеты...»

– Вот, ты тоже чувствуешь эту песню, только море может придать ракетной стрельбе столько романтики. Наверняка тыохранишь свою тельняшку еще со службы?

– Да, храню.

– А почему? Разве сухопутный офицер, пусть даже он летчик, хранит фуфайку от нижнего белья? Нет. Что он будет вспоминать – безбрежные луга, леса, косогоры, овраги? Ты хотя бы раз слышал от сухопутчика рассказ о каком-нибудь перелеске? Говорить можно только о море и восхищаться только морем. Поверь мне, летчики сколько угодно могут рассуждать о небе, но не смогут почувствовать и десятой доли той силы стихии, с которой сталкиваются моряки. Ты же не будешь спорить, есть что-то завораживающее в команде «На abordаж!» или «Свистать всех наверх!». У летунов есть единственная приличная команда «На взлет!» и все.

– Нет, не буду спорить.

– Где еще могли родиться эти выражения, громкие, как выстрел, и крепкие, как тугой морской узел?

– Только на море.

– Вот и я про то говорю, что военные моряки – это люди особенные. Ладно, засиделись мы тут с тобой. Мне пора. Спасибо за компанию. Заплати только половину, остальное за меня заплатит хозяин этой корчмы.

Мой новый приятель выпил на посошок и тяжелой походкой проследовал к выходу.

Кафе действительно называлось «Корчма у двух якорей», видимо потому, что на входе стояли два якоря. Я попросил подойти дежурного администратора. Приблизился молодой человек лет тридцати. Я расспросил у него о старом живописном матросе в штопаной тельняшке и выдавшей виды бескозырке.

Нехитрый рассказ администратора меня сильно поразил: «Дядя Валера никогда не был военным моряком и не служил на флоте. По здоровью его не взяли в армию, для него это была трагедия. Когда-то давным-давно, в советское время кафе «Корчма у двух якорей» называлось «Светлячок».

После 1990 года общепитовское кафе выкупил кто-то из бывших интендантов.

Здесь любили гулять офицеры, приходившие с боевой службы или уходившие на нее. Молодой Валера тогда работал здесь разнорабочим и всегда помогал подвыпившим военным морякам вызвать такси, заботился, чтобы они не забыли личные вещи, с неподдельным интересом слушал их повторяющиеся пьяные рассказы про море и про службу. Многих помнил и звал по имени-отчеству, даже молодых офицеров. Если рядом с кафе появлялся военный патруль, он выводил их через черный ход или оставлял ночевать у себя в подсобке. Наверное, никто среди военно-морских офицеров не был так популярен, как Валера. Они относились к нему, как к товарищу, и он платил им искренней признательностью и уважением.

Со временем в народе это питейное заведение стали называть «Кафе у Валеры».

Как-то раз, военные моряки, вернувшись с дальнего похода, подарили ему тельняшку и бескозырку. Бескозырка не подошла по размеру, поэтому на следующий день они принесли ему другую. Дядя Валера так сросся с этим заведением, что у военных моряков он стал чем-то вроде талисмана. Они люди суеверные и считают, чтобы все в походе прошло хорошо, накануне нужно обязательно зайти в кафе к Валере в гости. Офицеры денег на чаевые не жалели, к официанткам грязно не приставали, не хамили и по-дурному не куражились. Когда дядя Валера уволился, хозяин кафе предложил ему бывать здесь хотя бы раз в неделю в выходной день. Его обслуживали бесплатно по первому классу и ни в чем не отказывали. В своих заказах он всегда был скромным и непритязателен».

— У него есть семья?

— Нет, как-то не сложилось. Точнее, была жена, но ушла от него. Есть сын, но он сторонится своего отца. Ему кажется, что отец в жизни ничего не добился, а сейчас

просто пьет за чужой счет. Вы знаете, дядя Валера никогда не брал чаевых, и все знали, что ему нельзя предлагать их. Это могло смертельно его обидеть.

– Что я могу сделать для него?

– Можете заказать для него песню, знаете, там есть слова «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...»

– Да, знаю, песня называется «Вечер на рейде». Тогда прошу в следующий раз, когда он придет, поставить эту песню. Только, пожалуйста, запишите, что нужно произнести перед тем – «Настоящей морской душе от собрата, с большим уважением».

– Имя ваше назвать?

– Нет, не надо, он поймет. Если увидите его сына, передайте от меня, бывшего офицера военно-морского флота, что я считаю его отца одним из лучших людей, которых мне довелось встретить. Возьмите чаевые и деньги за песню.

– Извините, но денег я не возьму. Дядя Валера меня бы не понял. Когда-то я тоже мечтал стать военным моряком, но не сложилось.

– Но вы же любите море?

– Да, конечно. Дядя Валера мне все про него рассказал.

Вячеслав Скалацкий